

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №11 ГАЗЕТА

Александр Леонидов / Ключ от Ничего

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов Александр Леонидович)

Родился в Уфе в 1974 году. Окончил исторический факультет Башкирского государственного университета.

Его журналистская и литературная практика началась в республиканской газете «Истоки» в 1994 году. Здесь была опубликована его первая повесть «Объятия Богомола».

Автор восьми книг, нескольких сотен статей, очерков, интервью. С 1999 по 2002 год — корреспондент газеты «Известия». С 2005 года — редактор газеты «Предприниматель Башкортостана».

Член Союза писателей России и Башкортостана, член Союза журналистов России. Член редколлегии, постоянный автор и колумнист многопрофильного издания «День Литературы» (Москва).

Первая книга дилогии — роман «АПОЛОГЕТ» — опубликована в «Роман-газете» в №№ 7, 8 за 2020 год.

Церемония награждения победителей ежегодной Литературной премии Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ и журнала «Роман-газета»

В Москве состоялась торжественная церемония награждения победителей и лауреатов ежегодной Литературной премии Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ. В мероприятии приняли участие Председатель Жюри Премии, Председатель партии, руководитель фракции «СР» в Госдуме Сергей Миронов, Председатель Оргкомитета Премии, член Президиума Центрального совета партии, руководитель организационного аппарата Премии Руслан Татаринов, член Комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции, депутат фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» Николай Рыжак, первый заместитель председателя Комитета ГД по культуре, заместитель руководителя фракции «СР» Елена Драпеко, член Центрального совета Партии СР, Заслуженный артист РФ Владимир Конкин, главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов. Ведущим мероприятия выступил Заслуженный артист России Сергей Шустиккий.

Перед началом мероприятия Руслан Татаринов, Елена Драпеко

и Николай Рыжак возложили цветы к памятнику писателю Федору Достоевскому у здания Российской государственной библиотеки. В этом году исполняется 200 лет со дня рождения писателя.

Сергей Миронов в своем выступлении напомнил, что церемония проводится уже в шестой раз и выразил уверенность в том, что она будет проводиться и дальше. «Когда мы объявляли премию шесть лет назад, мы назвали ее «В по-

исках правды и справедливости». А сегодня я Председатель Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ». Иными словами, мы объявляли конкурс патриотической прозы, поэзии и публицистики, а теперь у нас партия так называется», — отметил он. Николай Некрасов, — продолжил Сергей Миронов, — родился в один год с Федором Достоевским. Он открыл читателям этого великого писателя,

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2021 №11 /1880/ Основана в 1927 г.

Александр Леонидов

Ключ от Ничего

Роман

Пролог

Пытаясь убежать от участи наследника многомиллиардного состояния и всех связанных с этим ужасов, Яков Витальевич в 2003 году, когда ему исполнилось двадцать лет, принял девичью фамилию своей матери. И стал Яковым Шумловым. Та, которой это должно было больше всех польстить, не одобрила:

— Библейский Иона за такое попал во чрево кита... Такими уловками, Яша, ты делаешь себе только хуже... Боюсь увидеть тебя несчастным Иоанном Антоновичем¹. Твой отец, Якорёк, — моя ошибка, но для тебя — уже судьба...

* * *

Под самый занавес 1999 года в прозекторской, пустой и страшной, где мощные лампы преломлялись лучами о зеркальность оцинкованных столов, на первый план перед группой высших сановников страны вышел биотехнолог Виталий Терентьевич Совенко.

И протянул, безлико, по принципу, «кто первый возьмёт» — похожий на студийный, в мягкой оплётке, микрофон. Затем нажал кнопку, и отъехала шторка. За шторкой, за офисным столом в деловитой позе, склеенной трупным окоченением тканей, сидел некий силуэт в торжественно-мрачной похоронной одежде. Смутно просматривались явные признаки разложения — это было допущено для убедительности зрелища.

Генералы и министры молчали. Долго. Недоумённо. Испуганно.

— Прошу вас! — почти умоляющим тоном возопил уставший ждать Совенко. — Говорите в микрофон... что-нибудь...

— А он?!

— А он повторит...

Тогда Премьер, вспомнив самодеятельные концерты в «нежном возрасте», дал на микрофон первую, пробную волну, как в советских школах полагалось:

— Раз, раз, раз...

Мертвец за столом, нашпигованный анимационной аппаратурой, разлепил синие, цвета дохлых дождевых червей, губы и каким-то нечеловеческим, инопланетным, а может просто трупным, голосом повторил за Премьером:

— Раз, раз, раз...

— Работает! — перешёптывалось и переглядывалось общество высших офицеров умиравшей Державы. — Виталий Терентьевич, он скажет всё, что нужно?

¹ Иван VI (Иоанн Антонович) (1740–1764) — российский император-младенец, который был свергнут, а через много лет и убит охраной.

— Он ничего не скажет — отрезал биотехнолог. — Он умер. Он повторит за вами. Повторит всё. Но говорить придётся вам...

— Я устал... Я ухожу... — похулиганил будущий Президент в микрофон. И труп послушно выговорил утробным гласом из могилы:

— Я устал... Я ухожу...

— «Марionет» работает по такому же принципу, — объяснил Совенко, тайными ночами сотни раз репетировавший лаконизм своих речей для сего случая. — Он гораздо лучше бальзамирован, чем этот... Но я специально не стал бальзамировать этого — чтобы вы видели нагляднее, как работает система зомби-президентства.

— Получается, удалённая студия подключена, как к ретранслятору, к его губам? — уточнил будущий Президент.

— Не только к губам. Там на проводах вся система звуков речи. Лёгкие с бронхами и трахеей, гортань, глотка, язык... Ну, и губы, способные выполнять различные артикуляции...

— Тонкая работа, — восхитился Адмирал, стоявший за плечом Премьера. — Умеют американцы мастерить, потомки Эдисона и Форда! Великие мастера...

— ...масонской ложи!

— И это — тоже...

— То есть мы переподключаем Кадавра на наш пульт... — снова уточнил заметно нервничающий Премьер. — И он говорит всё, что мы скажем?!

— Только не кричите у микрофона хором... — посоветовал со зловещей улыбкой зомби-мастер Совенко. — Случаи были, так Кадавра тиком било, и его может замкнуть...

— Мы будем очень осторожны...

— И старайтесь говорить раздельно, медленно и однотонно! — продолжал Совенко инструктаж. — Помните, что имеете дело с органами речи мертвеца, а не оперной дивы... Как бы ни бальзамировали их американские операторы, они всё равно в полуразложившемся состоянии...

— Это — само собой! — непонятно про что, но с повышенной готовностью кивнул Премьер.

— Теперь другой вопрос! — влез Генерал Армии, с морщинистым лицом, похожим на редьку корнем книзу. — Что после отречения¹ делать с Кадавром?

¹ Автор намекает на многочисленные «странности» ухода Б. Ельцина в 1999 году. Человек, который ради личной власти не щадил никого и ничего, включая и самого себя (плясал с инфарктом) — вдруг ушёл до срока. Уточнил, что уходит «не по состоянию здоровья, а по совокупности всех проблем», и почему-то вдруг попросил прощения у граждан России. В своих мемуарах участники все, как один, говорят, что ничего не знали до последней минуты. Даже секретарь Совета безопасности говорит: «Мне за полчаса позвонили, пригласили...» И не рассказывает: кто звонил, кто приглашал. Между тем речь идёт о передаче ядерного чемоданчика, и секретарь Совета безопасности просто обязан был быть заранее в курсе. «Отрекавшие» Ельцина очень торопились. По их же словам вся процедура передачи власти прошла за 30 минут (!). Всякий, кто имеет касательство к государственным делам, понимает, что первое лицо не может передать власть внезапно, ни с того ни с сего.

— Самый разумный вариант, — пожал плечами академик-консультант, — подержать его ещё несколько лет...

— Живым?!

— Ну как он может быть живым, если он уже мёртв?! — даже рассердился на такую непонятливость Совенко. — Подержать его функциональным, заспиртованным...

— Зачем?

— Ну, примерно два раза в год он будет делать какие-нибудь заявления ни о чём... — прищурился Виталий Терентьевич. — Чтобы весь мир видел, что он жив, здоров и невредим и ушёл от власти не под давлением... Что, кстати, истинная правда...

— Да?!

— Да. Скажу как медик: если у трупов и можно говорить о желаниях, то единственное их собственное желание — полный покой. Труп нельзя насильно отстранить от власти. Его можно только насильно привести туда... Что они и сделали... Если бы Кадавр мог говорить сам по себе, он бы вам высказал искреннюю благодарность... Но меня мало волнует благодарность покойного, больше волнует меня другое, господа офицеры...

— Что именно? — поднял чуткую бровь Премьер.

— Что дальше?

— Ну, господин Совенко... Америка видела капитализм без России, а мы его видим с Россией в центре. Других расхождений у нас с ней нет!

— Но чтобы закопать друг друга — хватит и этого?!

— Думаю, да. Одного этого вполне хватит...

— Но я бы хотел, — «расчехлился» Совенко, — чтобы расхождений с Западом у нас было побольше.

— Об этом, Виталий Терентьевич, мы с вами поговорим после победы. И если живы останемся...

Где же долгая череда совещаний, согласований, подготовительных мер, обеспечивающих процесс? Чиновники знают, как распространена в их кругах «подстава» — проверка на лояльность. Поэтому первая реакция любого карьерного сановника автоматическая, как инстинкт, — активные уговоры «не осиротить». Опытные аппаратчики не могли таких азоров не знать! Но они молчали и давили присутствием. По хронологии, предлагаемой официально, секретарь Совбеза, «ничего не зная», вошёл к Ельцину в половине одиннадцатого — а в двенадцать уже отснятый ролик с отречением крутили федеральные телеканалы. Когда, кто и с кем успел бы его согласовать?! И почему именно Новый год? Почему не месяцем раньше или месяцем позже? Может быть, потому, что Новый год — самое пьяное и глухое время в России, когда за политикой много дней никто не следит? Есть и другие свидетельства. Близкие к Семье люди, друзья, члены президентского Совета возмущались, что их Кумиру «закрыли рот» после ухода с поста, подозревали договоренности в ходе «передачи власти», связавшие и руки и язык. Только один пример: Мариэтта Чудакова, многолетний соратник и даже друг ельцинской «семьи», член его президентского совета, в газете «Ведомости» возмущалась: «После смещения с поста Ельцина закрыли рот». Ведущий обозреватель «Ведомостей» М. Трудолюбов немедленно согласился с Чудаковой: «Ушел Ельцин, он все эти семь лет ничего не говорил практически. Там было... чуть-чуть... А в общем-то полное молчание. Возможно, были договоренности... потому что он добровольно отдал власть...» — гадает Трудолюбов. «Да-да!» — торопливо кивает Чудакова...

* * *

С тех пор минуло порядочно лет. Никто, старея, не становится бойчее, и Виталий Терентьевич Сovenко не исключение. На кремлёвском торжественном закрытом приёме, как растяпа, как неряха, выронил из рук баклажанный рулетик! Да так неловко, что запачкал шерстяной габардин своих добротных, но старомодных брюк. Без лишнего шума, не привлекая внимания, вышел в туалет, воспользовался матерчатой салфеткой у раковины, чтобы почистить ткань от маслянистых разводов...

Многое помнил Сovenко о старых традициях кремлёвских банкетов. Всплывали в памяти осетры-великаны в полстола, румяный, глянцевоый, словно бы лаковый, фаршированный цельный поросенок, заливные языки в растяжку с морковными розочками, могучие, крытые ажуром взбитого пеной масла судаки, каждый с жареным каштаном в пасти. Глухари, запечённые «с пером», но как живые, и числом до сотни, стояли тогда на длинных столах, таили в себе сладкие начинки из кураги, чернослива и яблок.

Вспоминались старому царедворцу и ледяные икорницы в форме кремлевской стены. Спаяв икру льдом, флорентийские крепостные умельцы потом вытаскивали ее специальными кулинарными пилочками. Царь-рыб в лимонных и зеленных кружевах подавали на стеклянной подставке, внутри которой плавали маленькие живые рыбки. Те давние, длинные столы кремлёвские старожилы называли «кораблями» — не столько по форме, сколько по размеру: ведь не столешница у них, палуба!

Вместе со страной уплыли по течению реки Леты и эти «корабли». Взамен появились, как в ресторанах, круглые столы и мягкие полукресла. Всё порционно, а в центре столов только декоративное прикрытие от пустоты: маленькие пирожки и немного фруктов. Меньше стало водки, коньяка — гораздо больше вин: куда поживе прежнего пошло начальство!

Слабенькие вина, выдающие себя за «великие», были теперь заграничными. А Сovenко помнил на их месте «Хванчару», и «Самтрест», и номерные вина, на этикетках которых с бесхитростным умиляющим бюрократизмом значилось: «Грузинское вино №...», как будто дело в этой канцелярии! Было, помнится, вино в бутылке, отлитой как виноградная гроздь из тёмно-синего стекла. Этикетка приклеивалась асимметрично сбоку, в виде виноградного листка. А были ещё таинственные упоительные бальзамы в керамических красно-белых, с позолотой, пузатых кувшинах, похожих на заварочный чайник, только без носика... Где они? Уж и не вспомнить их имён-марок...

Теперь блюда всё больше «французили», из старого русского застолья оставили только осетрину, белорыбицу, для смеха и ностальгии — селедку под шубой. Да «и те уж не те».

— И ты не тот... — пожаловался себе Сovenко. — Чать, при Леониде Ильиче брюки масляными брызгами не обделал бы... Тогда ловчее всё обделывал...

Как раз посередине прозаичного занятия по приведению себя в порядок в туалет вломились «личники» — охрана Президента, и стали осматривать кабинки, не обращая на академика никакого внимания.

— Что-то случилось?! — из вежливости поинтересовался Сovenко. Но «личники», дразнимые чиновным людом «личинками», вообще-то люди неразговорчивые, они же присягу приносят, подписку дают. Они, как народ у Пушкина, «безмолвствовали». А когда удалились, то взамен вошёл Президент, собственной персоной. И стало понятно, что его охрана «вдруг-вокруг» унитазов вынюхивала...

У Президента есть, конечно, свой туалет, особый, но ему до этого обшача, с тремя писсуарами, ближе, да и вообще... он по натуре демократ... Все его придворные сопровождаемы холуями, чтобы зонтики над ними в случае дождя открывали, а Президент свой зонтик при себе носит и сам держит. Мелочь, а приятно, как говорится...

Президент был разговорчивее своих «личинок»:

— Что вы тут, Виталий Терентьевич? Проблема какая?

— Проблема моя, господин Президент, обычная старческая неопрятность... Брюки вон запачкал, оттираю, пока конфуза не заметили...

Президент ушёл в левую кабинку, в обычные дни предназначенную для кремлёвских клерков третьей руки. Банально-пластиковую, хоть в такое трудно поверить в Кремле! Жажурчал там общечеловеческой обыденностью. Первое он лицо или даже нулевое — а всё равно ведь человек... В таких местах это особенно остро понимаешь, потому, наверное, для всех Президентов в мире делают засекреченные индивидуальные сортиры...

— Вы же один из богатейших людей России, — поддерживал Президент светскую беседу, игриво памятуя, что снисходить — монаршая вежливость. — Купите себе новые штаны, Виталий Терентьевич, за чем вам возиться-застирывать?!

— Лишнее мне ни к чему, господин Президент. Я старый. Я думаю, мне этих до конца хватит. Я скоро умру. Может быть, это и хорошо, что скоро. Не хочу пережить свою страну...

— Неужели вы в вашем возрасте считаете, что можете Россию пережить?! — Президент всё ещё шутил балагурливо, но нотки балагурства стали заметнее жёстче.

— Я глава корпорации. Обязан уметь считать.

— Вы думаете, у моей политики совсем никаких перспектив? — вышел Президент к раковинам и сушилке для рук, сердито застёгиваясь.

— Я изложил в меморандуме...

— Читал я ваш меморандум.

Президент больше не источал радушия. Он сочился жуткой ледяной колкостью, некой отчётливо повисшей в воздухе, словно сигаретный дым, опасностью для неосторожного собеседника.

— Я...

— Да что вы?! Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны... Все горазды судить — там не так, здесь не эдак, пятое несправедливо, десятое неэффективно... Будет грузчик поучать балерину, что на пуантах работать неудобно! Думаете глаза мне открыть? Думаете, не знаю?!

И Президент неожиданно процитировал классику:

Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только села грабят...

— Вполне уместно! — верноподданнически поддакнул Виталий Терентьевич.

— Только не предлагайте своих! — предостерегающе преградил ладонью дорогу неосторожному слову Президент. — Всякий начинает разговор со мной с того, что мои кадры — дерьмо, а заканчивает тем, что подсовывает собственное дерьмо... Устал с того... Давайте не будем...

— Не будем! — пообещал Совенко.

— А тогда что?! — напирал голосом, гулко отзывавшимся в кафельных стенах, Президент. — Другой народ имеете ко мне? Имеете ко мне другое войско?! Неужели вы думаете, что я не знаю, где у меня несправедливо, а где неэффективно? Но вы же умный человек, вы должны понимать, что у меня простых решений нет...

— Значит, нужны сложные, — стоял на своём старый упрямец с мокрой матерчатой салфеткой в иссохшей от возраста руке.

— Да. Нужны. Вы же биотехнолог... — вкрадчиво, но с внутренним рычанием, не обещающим ничего хорошего, начал Президент. — Говорят, вы творите чудеса... Ну так сделайте чудо для меня, Виталий Терентьевич! Воскресите хотя бы сто тысяч сталинских орлов в синих фуражках, чтобы работали за идею!

— К сожалению, такого даже я не могу...

— Вы все меня осуждаете и не хотите понять, что по периметру съёжившихся границ стоят гиены. Ждут дожрать, что уже наполовину сожрано до меня...

— Вот это я прекрасно понимаю, господин Президент! Как и любой вменяемый адекватный человек в нашей...

Президент, зло гуляя желваками, не дал старику договорить. Рывнул по восходящей интонации:

— И вот против этой стаи, у которой слюна с клыков... как весенняя капель... Звенит аж... У меня никого, кроме раскормленной приватизаторской сволочи! Потому что народ сгнил, вы понимаете это?! Как биолог, должны понимать...

Он был поистине страшен, раскрываясь, отливая чернотой слов:

— И у меня на всё про всё — только псарня. Своира жадных, наглых варягов, которые с меча едят... И пока я их кормлю, они меня — рычат, да терпят... А если я их не накормлю... За счёт народа — а за чей ещё?! Эта же свора меня и разорвёт!

Что-то прилило и отхлынуло, как апоплексический удар в ароматизированном воздухе с апельсиновыми запахами...

А потом Президент вдруг очнулся, опомнился и рассмеялся, оглядевшись:

— Нашли мы с вами, где будущее обсуждать! Вот потеха! Нарочно не придумаешь! Идёмте-ка лучше к столу!

* * *

А за столом — точнее, за круглыми столиками, шёл разговор, как улучшить имидж российской власти на Западе. Точнее, не шёл, а агонизировал: уйдя в схоластические тернии, безнадежно там заглох.

Совенко, более уверенный в своих брюках, ставших относительно чистыми, рискнул встать, руки в карманы, выставляя их на обозрение бомонда, и разругать гордиев узел.

— А что вы сидите и гадаете? — скрипуче поинтересовался. — Возьмите да и спросите у них...

— Спрашивали уж, — откликнулся один из «войска — дряни». — Сто раз. Не отвечают.

— Ну, — пожал плечами академик, — прямым текстом не отвечают. А эзоповым языком — довольно внятно отвечают на каждый запрос.

— И? — робко выглядывал титулованный собеседник из-за жёлтого колпака декоративно-малой настольной лампы.

— Капитуляция. Полная и безоговорочная. Вы зря их, там на Западе, усложняете, они же очень просто мыслят. Если вы терпите всё, что они выдумали, — то вы демократы. Не отдаёшь им всего на откуп, пытаешься им в чём-то возражать — значит, злой тиран.

— А смысл?

— Ну как?! Они же, как последняя левацкая сволочь, — тоже хотят «дать людям всё». Своим людям. Но, в отличие от леваков, они знают, откуда брать на раздачу. Отнять своим у чужих.

— А есть иной путь?

— Есть. Взять людям всё из Ничего. Как в песне про Учкудук, где «город-красавец в пустыне возник». Но это трудно. Очень трудно. «Ключ от Ничего» — это, скорее, не ключ, а набор отмычек, требующий от взломщика огромного интеллектуального искусства. Дать одним всё, отняв его у других, — конечно, проще и особого ума не требует... Для того, кто ищет дешёвой популярности, — это линия наименьшего сопротивления. Они просто возьмут всё у нас и передадут своим. И тем купят себе ещё несколько лет гегемонии...

Разговор этот в «ближнем кругу» начался давно. Давно и, надо сказать, беспомощно, потому что те, кто вёл разговор об «имидже на Западе», родовой травмой несли в себе непреодолимые логические противоречия. И Совенко был им чужим...

Настолько чужим, что не стеснялся в обществе «строителей демократии» рассказать притчу про демократию.

— В одном городе была пекарня, — продолжал, с виду легкомысленно, с бокалом в руке, — а мяскокомбината не было. Воспользовавшись понятным возмущением людей, на выборах победила мясная

партия. Она забрала у пекарни все деньги и вложила их в строительство мясокомбината. В итоге появились мясные продукты, но исчез хлеб. Это снова замутило людей, и, надо думать, небезосновательно. Хлебная партия взяла реванш. Она забрала все средства у мясокомбината и вложила их в восстановление пекарни. Но, поскольку восстанавливать труднее и дольше, чем разрушать, — в итоге не стало ни хлеба, ни мяса. Оборудование пекарни расташено, люди ушли, корпуса разрушены. То же самое случилось и с мясокомбинатом... Когда сражаются две партии, то с появлением одной необходимости исчезает другая необходимость.

— А какова мораль сей басни? — поинтересовался у рассказчика человек удивительной судьбы, глава государственной нефтяной компании, чья юность овеяна романтикой экваториальных морей и абордажей.

Поинтересовался скуучающе. И скукой своей сразу же напомнил тучный, мелкосеющий, изнурительный дождь осени, сентябрьское промозглое крошево, когда листья ещё зелены, но уже поникли, деревья набухли недоброй холодной сыростью, гнетущей серостью неживой влаги. Капитализм — как осень, мудр и страшен.

Мудр своей неотвратимостью, а страшен тем, что стирает все тёплые краски лета, всё, что было светлым, лучистым, радостным. Гнилая мокрота осени, отхаркиваемая низкими тучами, лжива, разъедает жизнь и планы человека, как кислота. Делает уют из обыденной атмосферы осаждённой крепостью, когда навстречу грызущей кости сырой погребели трещат камни, закрываются окна, оплакиваемые каплями по стеклу.

Тут, внутри, ещё можно жить и любить: но зачем, если ничего такого не осталось снаружи? Человек, построивший однажды тёплый дом в споре с дождём и ветром, лютым стужам вопреки, — самой судьбой был призван построить такой же дом своей планете. Но что-то пошло не так: человек испугался и спрятался от нечисти в магическом круге очага. И стал там — как зверь в норе. Выкуриваемый зверь. Вымирающий зверь...

— А мораль в том, что эти партии должны работать сообща. Вместе. Они должны стать одной партией, а не двумя враждебными друг другу. Иначе получается ситуация, в которой одни люто ненавидят хлеб, а другие — мясо. Сложение двух этих ненавистей — ни хлеба, ни мяса... А почему? Потому что ломать — не строить...

I. КВОРУМ

1

Яков Витальевич Совенко вырос в городском поместье, так называемой *villa urbana* премиум-класса *Spiges*, которую его отец купил его матери на западе

Москвы в долине реки Сетунь, среди нескольких палаток огромного столичного лесопарка.

Город дышал рядом, и дышал пугающе. Мальчик-заложник знал от прислуги, что за несколько минут езды от его кварцевой песочницы и водного аттракциона по Нежинской улице можно добраться до Кутузовского проспекта. И что всё природное окружение поместья — обман, декорация. Они с мамой и штатом челяди жили в самом центре деловой активности бессонного и неугомонного города, сбивавшего в бешеном ритме судьбу планеты, как масло...

Яков Витальевич Совенко вырос не только вне пространства, но и вне времени. Идея их виллы пришла в большое сознание таких, как его отец, прямым из Древнего Рима, где аристократы строили себе виллы с парками посреди «Вечного города». И потому маленький Якорёк не знал, где живёт, и не знал, когда живёт.

Большой и ухоженный парк, где летом обычно мерцала удалённым импрессионистским светлым пятнышком мама-художница с мольбертом, в лёгком белом платье, — клином сходил к мраморной террасе, за которой возвышались три этажа стекляннометаллического фасада с пышным входом. Здесь было так много сокровищ, что их хранили не в сейфах, а в подобных сейфам бронированных комнатах-армурах. Здесь много интересного нашёл бы, если бы пустили побродить, хоть частный коллекционер, хоть владелец музея или модного аукционного зала.

Американский дом «ювелирного дизайнера» *Tiffany & Co* получил заказ на традиционную и солидную эстетику внутренней отделки. И предложил заказчику графический, лаконичный стиль мебели, инкрустированный узорами из стерлингового серебра. Специально для этого дома были сотканы из драгоценных пород дерева несколько знаковых композиций, настоящий образец мебельного искусства. Например — широкий бар-каффе, воспроизводящий форму морской ракушки с почти анатомической точностью...

Чтобы создать гармонию цветов, дизайнеры покрывали серебро мебельной фурнитуры специальным сплавом на основе меди. От этого инкрустация выглядела роскошнее даже привычных версий московских фурнитур из серебра и золота.

На каждом шагу драгоценности и шедевры, ретро-безделушки, вроде миниатюрных пустяков Фаберже, в мрачных сводчатых погребках — редкие благородные вина. Те самые, которые по иронии судьбы — чем благороднее, тем к менее благородным людям попадают в бокал... Пролёты лестницы усажены по углам ротанговых перил золотыми ангелочками.

Для каждого типа вещей — свои условия хранения, с датчиками климат-контроля. Отдельным блоком — собственный и битком забитый «меховой холодильник». Безопасность здесь была возведена почти в культ: вилла наследника оборудована биометрическими ключами, по всему зданию — несколько десятков камер слежения, а стены надёжно-огнеупорные и блиндированные.

Чтобы маме наследника было не скучно сидеть среди груды бессмысленных сокровищ, для хвастовства холуи Совенко выстроили ей специально оборудованный «шоу-рум», холодно, офисно, но полностью, по последнему слову техники, готовый к проведению «презентаций».

— Каких и на хрена, спрашивается? — поинтересовалась у них пьяненькая мама Таня, порой весьма злоупотреблявшая дарами Бахуса...

— Ну, здесь можно проводить деловые встречи, выставки и винные дегустации...

— О! Винные дегустации! — Она игриво, хоть нервно и неровно, подняла в руке старомодный хрустальный фужер... Эта возможность «шоу-рума», в отличие от предыдущих, пользовалась у Татьяны Совенко, в девичестве Шумловой, некоторым спросом...

Мальчик Яков был слишком маленьким, тонким костью и шуплым — чтобы всё это, обрушившись на него разом, не раздавило и не покалечило ему психику. Тот факт, что все сверстники ему люто завидуют, вовсе не радовал Якова Витальевича, а в силу его интроверсии — приводил в ужас.

Ужас вырослел вместе с мальчиком. Мальчик боялся, что из золочёных рам батальных полотен маминой кисти выскочат десятки столь реалистично изображённых там убийц, насильников и бесноватых с их холодными и огнестрельным оружием. Мальчик боялся винных погребов с их шепелявым полумраком. И каминных дымоходов с их утробным подвоем. Но больше всего мальчик боялся папы: от того исходило густопсовое облако львиной секреции, хищного фермента, которым саблезубые опрыскивают свои охотничьи уголья.

Довершало абсурд то, что оба родителя мальчика были советскими людьми, выросшими в советской, и даже партийной, среде, а потому несли на себе неизгладимые отпечатки советского воспитания, столь нелепые на «villa urbana премиум-класса Spires».

Именно там, как в каком-то сюрреалистическом фильме, отец-олигарх застал бархатного сынишку с роскошной глянцево-советской книгой о «дедушке Ленине», изданной в рамках сусальной советской пропаганды в «годы оны». Удивился, что Таня поощряет такое чтение у Якова. Дарственная надпись свидетельствовала, что этот фолиант некогда подарила девочке Тане администрация школы в связи с её переходом из октябрят в пионерки...

— Вон оно как?! — приподнял Совенко книжку, как дохлую крысу, за уголок отстранённо. — И какая же твоя цель в жизни?

— Моя цель — коммунизм... — отрапортовал на редкость послушный и неуверенно-правильный, тянущийся всем угодить мальчик.

— Ну, а что такое, по-твоему, коммунизм? — прищурился папа Алик.

— Царство радости, любви, согласия и взаимопонимания... — отчеканил с маминых слов маленький Яша.

— Это ты описал стадо овец. Или скопище е...щихся кроликов... — насутился страшный отец.

— Пап, а что такое «е...щихся»? — поинтересовалось невинное дитя.

— Вырастешь — узнаешь...

Таня закатила глаза, а потом опустила их, улыбаясь ковру, тому, что хорасанской пестротой ворсилфорсил под ногами. Как художница она не могла не увидеть в безобразной сцене комическую сторону...

— Вся человеческая история — это движение к коммунизму, — шершаво грыз воздух своими клыками бывший член ЦК КПСС Виталий Терентьевич. — Но первый шаг к коммунизму человек сделал не тогда, когда размяк от чувств... Любвью занимаются и животные, с большим удовольствием! Первый шаг к коммунизму человек сделал тогда, когда придумал каменный топор, убил пещерного медведя... И спас своё племя от людоеда! Вот он был первый коммунист! А не тот человек, который уболтал другого человека уйти в кусты для любви по обоюдному согласию...

— Какие ты всегда гадости говоришь, Алик! — брезгливо передёрнула плечиками мама Таня.

— К коммунизму идут не в венках из одуванчиков! — настаивал отец. — К нему идут через дыбу, плаху, застенки. Чтобы из человека вышел толк — его надо вначале в дугу согнуть, и в хвост, и в гриву... Вырвать у него хищные клыки, да с корнями! А это тяжело. И не только физически — морально тяжело. Пока ты у человека тащишь хищный клык из десны, ему больно, он брыкается, кусается, дерётся с тобой...

* * *

Яков Витальевич Шумлов был слеплен из таких кровей и реалий, что из него почти неизбежно получался пусть умственно-растрёпанный, пусть растерянно-колеблющийся, но определённо «левых» взглядов человек. Так почти всегда получается, если сложить личное благополучие, устраняющее злую иррациональную мстительность, с умственным развитием, склонным обобщать личный опыт до общечеловеческого... И добавить юношеский нонконформизм, превращающий нищих детей в жадных до денег жмотов, а княжичей — в народовольцев. Мол, если я живу, нужды не зная, почему бы всем не жить без нужды?

— Без какой? Большой или малой? — издевался желчный отец над ребёнком.

— Ну, папа! — почти плакал Яков.

— Алик, ну зачем ты с ним так?! — округляла любящие глаза мама Таня, жестом клуши обнимая сына за плечи.

— А как «так»?! — кривлялся старый изверг. — Это ж разные вещи! Если жить, большой нужды не справляя, так будет заворот кишок¹, а если малой — так это называется дизурия²...

Где-то к старшим классам элитной православной гимназии с углублённым изучением Закона Божье-

¹ Механическая кишечная непроходимость, развивающаяся вследствие поворота петли кишечника вокруг брыжеечной оси.

² Дизурия — нарушение мочеиспускания.

го, английского и датского языков Якорёк Совенко был глубоко — насколько может быть «глубоко» у малолетнего прыщавого юнца — убеждён, что «перестройка» была преступной, «реформы» 90-х — геноцидом, а сложившийся по итогам мир — несправедлив и уродлив в самых базовых своих основах.

Этому подучило Джекки всё: и прочитанные книги, и учебник новейшей истории, и воспоминания мамы, с годами всё более многословной, ностальгической. И даже, как ни странно, свищущие хлыстом в воздухе афоризмы отца-олигарха.

В ответ на мальчишескую запальчивость, с вызовом брошенную в лицо страшному папе, — о «миллионах жертв рыночных депрессий», отец саркастически склонялся, лицом к лицу:

— Это ты, что ли, жертва?!

— В том числе и я... — дуло губки в красивой позе нежное детище артистичной мамы Тани. — Потому что... — он собрался загибать пальцы с ещё детскими, вполонину от взрослого стандарта, махонькими ноготочками. Но Совенко-старший перебил цитатой:

— Стыдно глупому реветь. Ты не заяц. Ты медведь...

— И что это значит?! — запальчиво ерепенился отпрыск.

Отец устало-печально вздохнул и ушёл. Некоторые вещи человек должен понять сам — или уж ему вовсе не дано их понять.

А Якорёк кривлялся дальше, в клубном пиджачке-блейзере casual, прошитом крикливой декоративной строчкой и с дополнительным рядом пуговиц натурального перламутра. Паясничал, умиляя мать и шокируя её сановных гостей.

— Когда вы будете, — говорил он, явно рисуясь и по молодости лет бесстыдно преувеличивая, — составлять бесконечный список жертв эпохи, из тех, кто умер от тяжёлой работы... выкашлял свои лёгкие вместе с туберкулёзной кровью в сыром подвале... спился от безнадеги нищенства, — не забудьте вписать туда и меня!

— Что?! Куда?! — растерянно спрашивали люди, у которых и в мыслях не было составлять какие-то списки каких-то «жертв эпохи».

Конечно, это смотрелось и слушалось комично в поместье, на живописной лужайке, которую два штатных садовника поддерживали «в хорошей спортивной форме» для летних пикников, а кейтеринги из ресторана накрывали льняные одеяла на траве «скромненько так» — персонам двадцати. По-английски неторопливые кельнеры, раздражавшие величием своей священнодействующей медлительности, — разносили бокалы бургундского смородиновых оттенков.

Предлагали бесхитростно, «по-деревенски» — как искренне верил со слов взрослых маминых гостей маленький Яша — крестини с ростбифом, мини-клубсандвичи, стеклянные прозрачные чашки с народным напитком: чаем со льдом. А перед этим они уже рас-

пробовали такие «колхозные» простосолы, как пармская ветчина, салями Милано, ассорти из сыров с башкирским мёдом, виноградом и фруктовым конфитуром, куда вошли лишь «простейшие, безыскусные» сорта и нотки: пармезан, моцарелла, гауда, дёр-блю.

Бургундские винные тона простонародно закусывали креветками с лаймом на «пролетарских» подушечках из слоёного теста, премного гордясь своей близостью нравов с простым, трудовым народом и внушая её «очевидность» маленькому Яку-«Совёнку».

— У нас ведь не как на Рублёвском, у нас всё просто, как в стары годы... Собрались друзья на лужайке, на природе, одеялко под зад кинули, закусили скромненько: блинчиками с плебейски красной икоркой, лососиной, масляной рыбой, маслинками да каперсами!

«Догнались» простачки, народники, славянофилы записные под вина папского замка — минибрускетам с запеченными овощами гриль.

— Мы не нищие, конечно! — со скрытой гордостью, казавшейся ему «сдержанным достоинством», говорил мамин бомонд. — Мы хотели бы, заказали себе и как на Рублёвке... Но нам зачем, если мы ценим простоту, связь с народом? И мы, дети рабочих и крестьян, хорошо сидим, как у дедов-прадедов заведено было...

— Нищета человека позорит и унижает, а скромность — наоборот, украшает! Вот, попробуй по-нашему, по-заводскому, оливковой тапенады... С молодой спаржей и помидорками черри! Да не вороти нос! Оторвался от народа — так вернись к нему! Народ-то это вот кушает, а не твои деликатесы!

— Клоуны, б... — оценил это сборище отец, ненадолго и раздвигающе, шеренгами-ровняюще в нём появившись. Люди в белых костюмах и со светлыми лицами ему не посмели возразить. В силу своего финансового статуса отец имел «лицензию на убийственную правдивость». Прямо как Джеймс Бонд — лицензию на убийство.

Все эти застольные беседы маминых гостей Яков-Якорёк впитывал с младых ногтей, когда крутился между корзинами итальянской соломки домашних пикников. И принимал их пустословие за честную монету. Потому, став постарше, когда его с изумлением спрашивали: «Что?! Какие ещё списки жертв эпохи?», он, лохматя хайры неформала, восклицал декламаторски поставленным тоном «перестроечно-го» болтуна:

— Да, да! У меня ведь тоже украли жизнь — правда, иначе, чем у основной массы жертв... Если бы я жил в нормальное время, то я бы был отличным пионером, а потом отличным комсомольцем... И стал бы отличным врачом, к которому весёлые современники приходят не на деньги «развестись», а здоровье поправить...

Врачом он после всё-таки стал. Счастливым — стать не смог. Ему так понравилось жить в страдательном залоге, что осознать себя «медведем, а не зайцем», наследником Хранителя — никак не получалось...

* * *

Поневоле у Якова Витальевича, учитывая его меланхолический темперамент, застенчивую замкнутость и почти болезненную стеснительность, с годами и возмужанием окружающая роскошь стала вызывать ассоциации с прокажённой. Слеprozорием, куда убирают с глаз подальше из жизни вон раздаваемых гнилым ужасом лепры.

— Мы в своей стране всегда за тремя заборами, — почти плакал Яков, — как заразные калеки!

То, что при другом характере и воспитании породило бы драйв и бешенство, опьянение превосходством — у Якова, не без усилий мамы Тани, стало ощущением, сходным с акрофобией — боязнью высоты.

Как у акрофоба на верхогуре будут тошнота и головокружение, так и у Якова Совенко они случились на вершине социальной пирамиды и пищевой цепи. Прислуги Яков стыдился, и не только начитавшись «житий» советских угодников, но и сам по себе. Он хотел быть «одним из», встать в строй, в шеренгу — но сила, которая превозмогала его, — постоянно выдвигала его в уродливое исключение из всех правил. Превращала в «существо потустороннее», почти загробное, которое всем законы раздаёт, а само законов не знает.

— Народ жалок — и потому вызывает жалость, — рубил воздух ладонью отец-академик, услышав пугливые бредни о жаде равенства. — Но и всё на этом доброго о нем! Большинство — сумасшедшие...

— И что, мне всю жизнь быть пастухом у толпы полоумных? — пугался Яков.

— Пастырем, — поправлял, в сущности, ничего не поправив, отец. — Такова твоя судьба, и долг рождения, и твой крест. Народ нельзя оставлять одного. Народ никогда не умел отделить поводов от причин, разоблачений от клеветы и больных фантазий от реальных последствий.

— А вот в Советском Союзе хотели построить разумную жизнь... — робко вставлял мамини байки мальчик, не дерзающий, но мечтающий поспорить с родителем-монстром.

— Правильно хотели! Неправильно делали. Строить разумную жизнь по науке, обоснованно и основательно — одно, а строить жизнь по воле большинства — совсем другое. Это не строительство получится, а разрушение...

Отец, к счастью, бывал недолго, налётами, и быстро исчезал, оставляя после себя радиоактивный зуд на коже. Уже пустоте, возникшей в дверном проёме, выждав время, Яков Витальевич кричал:

— Разумная жизнь — я этого хочу, мне это нужно! А меня всё время заставляют играть в дурацкую игру, в пиратов, изображать из себя предводителя пиратов... А я хочу играть в мирную игру, в развивающую... В строителей...

Шли годы, он взрослел. И слова его тоже взрослели:

— Меня с колыбели обложили горами совершенно не нужной мне роскоши, рухляди и бараха-

ла — и тем лишили настоящей роскоши, человеческого общения! Те, кто беднее, — ненавидят меня за то, что я «такой». А те, кто ровня, — ненавидят за то, что я «не такой» и не разделяю с ними ушербной патологии стяжательского слабоумия... Меня сторонятся, меня боятся, меня отталкивают, вокруг меня папины миллиарды создали зону радиоактивного отчуждения. Да, меня это «ежовое копыто»¹ времени тоже лягнуло — совсем не так, как других своих жертв. Иначе. Снизу, а не сверху. Но достало!

Все люди разные — но для Яка все враждебны, так учила мама Таня. Одни люди могли похитить Якова, потребовать выкупа за его голову. И, зная характер отца-олигарха, ещё неизвестно, предпочёл бы он сохранность сына сохранности денег?

Другие люди не менее опасны: они не похищают, не связывают, не держат в подвале, не отрезают пальчики, чтобы послать маме для пушей сговорчивости, но... Они втираются в доверие. Они без мыла пролезают в анус, как водяные черви-паразиты, набиваются в друзья или партнёры, в компаньоны или...

Як не сразу понял, что значит это слово:

— В любовницы...

По сути, они тоже пытаются взять хрупкого, сухощавого, изящно сложенного мальчика в заложники, только другими методами.

Такой мир вокруг. Такая страна вокруг. Как получал отец:

— Сладкая гармония, в которой власть — дебилы — управляет дебилами: дебилы говорят, и дебилы слушают, дебилы учат, и дебилы же у них учатся. А писатели-дебилы и художники-дебилы обслуживают соответствующую им аудиторию...

И ругался, объясняя своё место и роль в этом междусобойчике дебилов:

— Снизу доверху одна сплошная гармония, и не вклинишься... Разве что обманом, инкогнито, как шпион, просочишься в их ряды за взятку...

2

Следующая за московской «закрытой» православной гимназией страница в его странной биографии была написана уже на латинице, с некоторыми перечёркнутыми «Ø»: ² University of Copenhagen Faculty of Health and Medical Sciences, Копенгаген, район Blegdamsvej...

И вот уж оно, «крайнее» лето в России, перед Копенгагеном, перед многолетней разлукой. Аттестат о среднем образовании, «ближняя» вилла «кравовла-

¹ Ежовое копыто — термин в ветеринарии, означающий болезнь лошадей: копыто съедается в результате осложнения хронического ревматического воспаления. Автором используется как аллюзия к «ежовым рукавицам» и «копыту чёрта».

² Ø, ø (О с диагональным штрихом) — буква расширенной латиницы, используемая в датском, норвежском и фарерском алфавитах для передачи огублённого гласного переднего ряда средневерхнего подъёма.